

Олег ЯНИЦКИЙ

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ 2011–2012 гг.: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Статья посвящена итогам «года протеста» (2011–2012) в России. Автор предлагает теоретическое обобщение результатов этого процесса для всех вовлеченных в него сил.

The article is devoted to the results of the year of protest (2011–2012) in Russia. The author attempts to summarize theoretically the outcomes of this year for all participants involved in this process.

Ключевые слова:

протест, лидеры, фазы, протестные волны, неравенство, социальные изменения; protest, leaders, waves of protest, inequality, social changes.

Социальные движения — одна из форм и движущих сил исторического процесса¹. Но одновременно этот процесс сам есть макросоциальное движение, в котором сегодня политика играет все возрастающую роль. Поэтому все уровни и формы социальных движений — локальные, национальные и транснациональные — могут быть как агентами, так и контрагентами глобального политического процесса. Протестные движения (ПД) в этом смысле — не исключение.

Текст, предлагаемый вниманию читателя, представляет собой попытку теоретического осмысления событий «года протеста» в России в некоторых его ключевых аспектах, включая структуры ПД в центре и провинции; фазы, волны и результаты протестного движения; соотношение в них элементов патернализма и демократии и, наконец, некоторые выводы, касающиеся перспектив развития этой формы социальных движений.

Вопросы теории и методологии

ПД как одна из форм существования гражданского общества возникает в результате столкновения его интересов и интересов государства, задающего ПД некоторые рамки, называемые структурой политических возможностей. Иными словами, ПД есть форма конфликта этих двух субъектов социального действия, а институты власти есть контекст развития некоторого ПД. Однако широко распространенное представление о том, что в России государство и гражданское общество являются антагонистами, представляется ошибочным. Никакое гражданское общество не может существовать без государства и его институтов. Весь вопрос — в их характере, функциях и взаимоотношениях². Идеологически и политически власть сегодня держится на пропаганде идеи безальтернативности существующего социального порядка (Л. Гудков). Экономически (или, скорее, бюрократически) существует «властная вертикаль», которая эволюционирует в сторону милитаризации и развития силовых структур. К тому же властная вертикаль — это инструмент для внутреннего пользования. Для остального мира власть позиционирует себя как демократический институт. Более того, власть все время маневрирует — то она выдвигает вперед «Единую Россию», то создает Объединенный народный фронт, то совершает властные «рокировки», то расширяет, то суживает структуру политических

ЯНИЦКИЙ

Олег

Николаевич —

д.филос.н.,

профессор;

заведующий

сектором социально-

экологических

исследований

ИС РАН

oleg.yanitsky@

yandex.ru

¹ Tilly Ch. Social Movements, 1768–2004. — L. : Paradigm Publisher, 2004.

² Халий И.А. Власть и общество: в поисках взаимодействия // Власть, 2012, № 9, с. 16–20.

возможностей местных властей и гражданских организаций и т.д. Только что В. Путин превратил корпус своих доверенных людей на недавних президентских выборах в постоянно действующий орган «критики и самокритики» для укрепления связи между властью и гражданским обществом. В социальном плане власть работает как раздаточный механизм, перераспределяя доходы в пользу силовых структур и беднеющего большинства¹. Власть, создав «государство корпоративного типа», не желает пускать в свой «кооператив» креативных, но сторонних людей. В крайнем случае она допускает инкорпорирование этих людей в низовые (муниципальные) структуры власти. Как форму «мягкого авторитаризма» властные структуры практикуют «ручное управление» и поэтому не предъявляют обществу стратегические цели. Наконец, власть чувствует поддержку сильных мира сего (по версии журнала «Форбс» В. Путин занял 3-е место в списке самых влиятельных персон мира).

ПД есть процесс, имеющий также внутренние закономерности развития. Из того, что российское общество расколото на столичный центр и обширную периферию, следует, что опросы общественного мнения не являются адекватным инструментом изучения эволюции ПД, поскольку они представляют собой не более чем замеры «средней температуры по больнице». Историю и теорию социальных изменений надо изучать совсем другими методами: необходимо не «дистанцированное наблюдение», многократно искаженное опосредующими звеньями (структурой анкеты, характером поставленных вопросов, опросной сетью и т.д.), а все виды включенного наблюдения и непосредственного участия. Появление термина «общественно-научные исследования» в этой области социологии совсем не случайно.

Далее, хронология как метод изучения протестных движений представляется необходимой, но не достаточной. Здесь необходим культурно-исторический подход с его «циклами», «волнами» и «точками бифуркации», учет динамики менталитета. За полтора века мышление как лидеров ПД, так и массы населения сильно архаизировалось, и этот про-

цесс продолжает развиваться. Пример — нынешняя паника по поводу ожидаемого «конца света», якобы предсказанного календарем маяя. Реакция на этот возможный всеобщий риск типично архаическая: скупка круп, соли, спичек, горючего. Что касается лидеров ПД, то невозможно сравнить их, например, с А. Герценом или М. Бакуниным ни по уровню образования, ни по уровню теоретической подготовки, ни по опыту политической деятельности.

Дело не в прошедшем календарном годе, а в том, что раздражение накапливалось постепенно и, наконец, появился повод (но не причина!): недовольство наиболее продвинутой части населения Москвы результатами выборов. Анализ любых социальных движений должен быть контекстуальным, т.е. опираться на динамику институциональной структуры общества и конкретную расстановку сил². Даже если после первых митингов протеста «власть и была в панике», как утверждают некоторые аналитики, это отнюдь не означает, что она не обладает ресурсами для нейтрализации или подавления ПД как такового. Элементарное сопоставление группы фланирующих «протестантов» (а именно в такой форме был проведен один из последних «митингов») и всей мощи репрессивного аппарата государства не оставляет камня на камне от концепции рождения «движения морального протеста». А усиление мощи этого аппарата шло годами, и началось оно практически сразу после перестройки, а отнюдь не год назад. Так или иначе, прошедший год надо оценивать по его результатам не только для ПД, но и для государства.

Наконец, ошибочной, на мой взгляд, является точка зрения некоторых российских социологов, согласно которой «социология не занимается прогнозами» (Л. Гудков). Нет, она обязана заниматься прогнозами, прежде всего, строя сценарии сопряженного развития ПД и его контекста, включая изменение расстановки сил, глобального и национального контекста, появление по ходу дела «неожиданностей» (*knowledge gaps* или *undone science*).

¹ Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. — М. : РОССПЭН, 2006.

² Яницкий О.Н. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места // Мир России, 2010, № 3, с. 3–22.

«Год протеста»: истоки, расстановка сил, динамика, результат

Утверждается, что ПД, развивавшееся в течение осени—весны 2011—2012 гг., было выражением морального протеста, вызванного чувствами раздражения и обмана. Утверждалось также, что те, кто обманывает и врет, незаконны, не легитимны. Возникает вопрос: а что, в течение всех предыдущих лет люди считали, что им говорят правду? Что все данные им обещания 20, 50 и 100 лет назад были исполнены? И люди не ведали, что по несколько раз в году данные им обещания не выполняются? Значит, произошла аккумуляция раздражения: «мы больше не хотим терпеть», хотя терпеть можно было и дальше. Разве высокий порог терпения, характерный для массы населения, был преодолен? Нет, не для массы, а лишь для ее наиболее продвинутой части! Это был системный протест меньшинства, «вобравший» в себя все, что вызывало недовольство в течение многих лет.

Страна уже давно разделилась на две части (некоторые авторы даже утверждают, что существуют «четыре России»): относительно благополучный центр (столица) и огромная периферия, живущая по принципу: «Не было бы хуже!». Периферию не интересует степень легитимности власти всех уровней. Ее население, а это, по разным подсчетам, 60—70% всего населения страны, озабочено проблемами своего физического существования.

С политэкономической точки зрения Россию можно разделить на четыре типа: 1) крупные индустриальные центры первой фазы модернизации, осуществленной во второй половине XX в.; 2) моногорода той же эпохи (одно предприятие плюс один поселок городского типа); 3) региональные и местные центры управления и социальных услуг (больницы, школы, городское и муниципальное управление, силовые структуры) и 4) обширная деградирующая периферия (опустевшие малые города, поселки и сельские поселения), население которых выживает за счет государственных пенсий и личных подсобных хозяйств. Все они в большей или меньшей степени «бюджетозависимые».

Это большинство (минус Москва и Санкт-Петербург) — опора власти, т.к. в существующих ныне условиях люди, составляющие это большинство, сами сделать ничего не могут, они — «малоре-

сурсные» во всех смыслах. На местах нет ни условий (рабочих мест), ни лидеров и организаций, способных выступить в качестве агентов осуществления перемен к лучшему. Есть только властные структуры и криминальные группировки. Отсюда — не «патернализм», а естественное обращение этого большинства к властям предрешающим за помощью. Москва — символ власти, которая только и может принять нужные решения. Она — источник ресурсов, нужных периферии, центр, генерирующий образцы «достойной» жизни и т.д. Социологи просто временами забывают о законе социального сравнения как движущей силе перемен.

В терминах политэкономии Москва — это средоточие капитализма, а «периферия», как полагают некоторые аналитики, — во многом «резервация социализма». Но с той поправкой, что этот «социализм» (фактически это «раздаточная экономика», по О. Бессоновой) на поверку оказывается тем же капитализмом, только в его первоначальных, хищнических формах. Так что, на мой взгляд, Россия расколота не на капитализм и социализм, а на две его фазы: раннюю (хищническую) и последующую, внешне чуть более цивилизованную. Хотя продолжающиеся коррупционные скандалы и разоблачения, независимые от их причин и политических целей, свидетельствуют, что российский капитализм практически не изменил своей природы.

Теперь — о самих ПД и его лидерах. Начнем с лидеров столичного ПД и роли «креативного меньшинства». Честность и порядочность этих лидеров — необходимые, но не достаточные условия. Лидеры ПД должны быть профессионалами своего дела, одинаково хорошо осведомленными как о насущных потребностях населения, так и о репертуаре возможных действий, релевантных сложившейся ситуации. Население России очень прагматично, оно верит только примерам конкретных дел и поэтому выберет своим лидером того, кто покажет на деле, что он способен управлять лучше, чем другие. Лидер ПД, как и всякого социального движения, не должен быть гастролером, какими проявили себя в этот год некоторые деятели литературы и искусства: приехали, выступили на митинге и уехали продолжать свою творческую деятельность. Так называемое «креативное меньшинство», которое

составляло ядро ПД, социально и политически не образованно. Часто кичащиеся своим «западничеством», они не обладают даже элементарными знаниями в области теории протестных и других социальных движений и революций. По публичным выступлениям лидеров ПД было видно, что в своем большинстве они так же плохо знакомы с историей российских общественных движений. Удивительно, что за прошедший год это знание так и не вошло в необходимый «пакет» ресурсов лидеров и участников ПД. Тем более удивительно, что это происходит в век господства знаний и информации.

Утверждения некоторых лидеров ПД о якобы начавшейся именно в этом году «гуманитарной», «нравственной» революции не соответствуют действительности. Исторически в России «правда» и «справедливость» для всех всегда были ключевыми этическими идеалами, хотя зачастую и были только декларациями. Но в том-то и дело, что в нашем обществе потребления, средоточием которого является Москва, ключевыми являются совсем другие, индивидуалистические ценности: личный успех и благополучие при полном безразличии к общественному благу. Капитализм фактически уничтожил чувство ответственности за страну как моральную категорию.

Прошедший год показал, что новые «креативщики» пока что политически бесплодны. Координационный совет (КС) протестного движения не выработал ни программу, ни алгоритм дальнейших действий. Это еще раз подтверждает мысль о том, что ПД без идеологии, стратегии и тактики, без ответственных и профессионально подготовленных лидеров не бывает. Любительство здесь исключено. Власть воспользовалась тем, что столичная интеллигенция и индивидуалистически настроенный «креативный класс» не интересовались тем, что происходит в обширной российской провинции, и сделала своей социальной опорой именно разоренную, бедную и малообразованную провинцию. Более того, власть посредством СМИ представила своим сторонникам протестующих как источник зла, как силу, дестабилизирующую социальный порядок и, наконец, как «иностранных агентов». Это был стратегический просчет лидеров ПД. Иными словами, за прошедший год структура его политических воз-

можностей в результате этих просчетов еще более сузилась.

Для успеха любого ПД, как полагали многие из его аналитиков, нужны следующие факторы: 1) доступ к СМИ или же наличие собственного мощного информационного канала; 2) Интернет не может заменить повседневную работу с населением; 3) всякое ПД должно иметь свой кадровый резерв, в идеале – собственный «теневой кабинет»; 4) этот кадровый резерв должен включать два рода людей: публичных политиков («говорящие головы») и управленцев новой генерации, понимающих значение переговоров и принятия решений по принципу *governance*. Проблема в том, что, как показал опыт большевистской (1917 г.) и «капиталистической» (1991–1994 гг.) революций, самым разным социальным движениям, как правило, не удается создать свой достаточный кадровый резерв, и снова приходится набирать на работу бюрократов старого закала. Наконец, одна из самых трудных проблем любого социального движения, коль скоро оно претендует на осуществление институциональных изменений, – это механизмы договоренностей и, в конечном счете, передачи власти¹.

Каковы же уроки для столичного ПД? Прежде всего, структура его политических возможностей сузилась, прогноз некоторых аналитиков о предстоящем «завинчивании гаек» оправдался. Однако некоторые изменения в институциональной системе все же произошли, но они скорее ухудшили, чем улучшили ситуацию. Появилась масса мелких конкурирующих между собой партий, из Государственной думы изгнаны наиболее активные «протестанты». Думские партии, принадлежащие к так называемой системной оппозиции, сначала поддерживали «протестантов», но, пройдя в Думу нового созыва, стали оппонентами протестного движения. Лидеры и участники ПД увидели и почувствовали на себе всю тяжесть мер противодействия властных структур протестному движению. Появились политзаключенные, поэтому часть активных участников ПД, сочувствующих и сторонних наблюдателей (зрителей) отпала. В столичном ПД появились новые члены, но их намерения пока неизвестны. Стало очевидно, что

¹ Академик Ю.С. Пивоваров. Интервью // Эхо Москвы, программа «Двадцать – двенадцать», 14 декабря 2012 г.

ресурсы данного ПД явно недостаточны для достижения его даже ограниченных целей, а применявшийся репертуар действий был не адекватен ситуации. Лидеры СД увидели, что власть мобилизует в свою поддержку провинцию, состоящую из пенсионеров, индустриальных и сельскохозяйственных работников, а также силовых структур (сегодня к ним прибавился корпус «доверенных лиц»), но противопоставить этой мобилизации ничего не смогли. Социальная среда российской провинции в целом скорее враждебна или, как минимум, нейтральна по отношению к «столичным протестантам». Лидеры ПД не рискнули использовать серию коррупционных скандалов в высших эшелонах власти в своих целях. Фрустрация и настроения искейпа у части участников движения усилились.

Были и просчеты стратегического характера. Лидеры ПД, сконцентрировавшись на процедуре формирования координационного совета (КС) и вопросах организации конкретных массовых акций (их лозунги, форма и маршруты по Москве, создание «Мастерской протестных действий»), не поняли, что их первейшая и постоянная задача — это повседневная разъяснительная и пропагандистская работа с населением везде, и прежде всего в российской провинции. Плюс их практической задачей было создание для рядовых граждан условий, при которых они могли бы обсуждать свои насущные проблемы и свободно высказываться. Пока что в деятельности КС процедурные вопросы преобладают над массовым действием; программа и алгоритм дальнейших действий отсутствуют. В конечном счете, КС должен был стремиться завоевать право быть субъектом гражданского общества для переговоров с властью. Время (как время астрономическое, так и темпо-ритм коллективных действий) — не менее важный ресурс оппозиционного движения, чем его институционализация, массовость и единство действий. Что касается поддержки извне, то протестное движение, особенно после введения новых редакций законов о митингах, НКО, клевете и «иностранных агентах», вынесло для себя два урока. Первый: помощь если и получать, то не от иностранных государств, а от единомышленников. Второй: если и апеллировать к международному сообществу, то эта апелляция должна соответствовать интересам

большинства населения России (например, повышение уровня жизни, модернизация, экология, демократия).

Было ли протестное движение в провинции?

Оно началось задолго до «года протеста» и продолжается и сегодня. В провинции есть спрос на демократию. Люди хотят быть услышанными, хотят объединяться по проблемам и интересам. Но власть этому препятствует и там. Необходимо только учитывать, что геополитически провинциальная Россия очень разная. В ней, по крайней мере, сосуществуют два подтипа: 1) «федеральный каркас», опирающийся, прежде всего, на предприятия по добыче и транспортировке углеводородов и структуру ВПК, и 2) региональные полуавтономные политические образования (аналитики называют это «конфедеративной Россией»).

Контекст «федерального каркаса» можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, он отмечен господством центра над периферией, все более принимающим форму «внутреннего колониализма» и выражающимся в неограниченном отъеме природных ресурсов (ренды) и вследствие этого — в полной или почти полной финансовой и другой ресурсной зависимости «мест» и их населения от государства (дотации, субсидии, пенсии). Во-вторых, продолжается модернизация основных фондов и разрушение инфраструктуры, включая ЖКХ. В-третьих, для провинции характерна более высокая степень авторитаризма и персональной власти и, соответственно, еще меньшая, чем в столице, власть закона и все большее распространение жизни «по понятиям». Отсюда, в-четвертых, минимальные возможности самоорганизации и самоуправления местного населения. В-пятых, продолжается снижение общего культурного уровня местного населения вследствие бегства наиболее продвинутой молодежи в крупные города, закрытия средних и специальных учебных заведений как «неэффективных» или нерентабельных, замещение местного рабочего и инженерного персонала азиатскими эмигрантами с более низким уровнем культуры. В-шестых, в провинции гораздо более развито, чем в столице, чувство нестабильности и зависимости от любого «начальства» или от более ресурсных и

хорошо организованных групп иммигрантов. В-седьмых, это преобладание патерналистского и даже архаического сознания, распространение суеверий, высокая конфессиональная зависимость (пример: подготовка населения глубинки к «концу света»). В-восьмых, чем выше зависимость от федерального центра, тем выше его психологическое отторжение, неприязнь, недоверие населения к нему. Наконец, для российской глубинки характерны локальные вспышки протеста, включая локальные вооруженные конфликты, которые, в конечном счете, также являются результатом политики «открытых границ».

Но и в целом под воздействием «года протеста» государственная власть стала еще более закрытой. Произведенные властью элитой институциональные изменения незначительны и не связаны непосредственно с движением протеста. Государство резко усилило модернизацию и финансирование армии и силовых структур. Отток капиталов, молодежи и высококвалифицированных кадров за рубеж увеличился. Соответственно, усилился приток мигрантов из новых среднеазиатских государств бывшего СССР — малообразованных, с другой культурой и конфессиональной принадлежностью.

Общие выводы

Шаг ПД — это не год, а его цикл или волна. Эти циклы и волны детерминируются как своей внутренней динамикой, так и ее контекстом. Сегодня государство всецело определяет структуру политических возможностей любого ПД. Эти движения в столице и на периферии разнятся по своей мотивации, составу и направленности. Ситуация может измениться в двух случаях: если борьба элит достигнет критической точки и если мировой экономический кризис (или глобальная катастрофа) серьезно подорвет основы существующего социального порядка. Последнее, однако, отнюдь не означает, что структура политических возможностей для демократически ориентированных ПД обязательно расширится.

«Год протеста» закончился весьма своеобразным, хотя и известным в истории политическим размежеванием. Сегодня диверсифицированное протестное меньшинство (столица) противопоставлено соци-ально и географически разобщенному, но

консолидированному бедностью и бесправием «раздаточному» большинству (периферия), которое опасается любых реформ.

Этот год ясно обозначил возможности и ограничения сетевой формы этого движения. Да, мобилизовать людей, собрать деньги для проведения митингов и шествий с помощью сетей было можно. Более того, катастрофические события сплачивают людей ради спасения друг-друг людей независимо от их социальной или конфессиональной принадлежности. Но вот вести ежедневную работу с населением, со всеми его слоями, убеждать людей в правильности той или иной политической программы, вести плодотворную дискуссию с группами интересов посредством сети было невозможно. Да и действовать им самим без лидеров, которых они видят вживую, а не через экран компьютера, тоже оказалось невозможным, хотя никто не отрицает важности сетевых форм информации (сайтов, блогов, форумов). Да и созданный координационный совет более озабочен процедурными вопросами, нежели разработкой стратегии и тактики движения в новых условиях. Тем не менее потенциал интернет-протеста далеко не исчерпан¹.

Тактически представляется сомнительной точка зрения, в соответствии с которой сначала нужно провести «честные выборы», а потом решать остальные задачи. Политзаключенных нельзя освободить посредством митингов. Сначала надо добиться главного результата — изменения отношения власти к ПД и оппозиции в целом. Затем должен появиться коллективный гражданский актор (координационный совет или др.), с которым власть согласилась бы взаимодействовать. В ходе этого взаимодействия должны быть сконструированы его технологии и алгоритмы. Параллельно должно быть создано общественное телевидение (или перепрограммировано существующее) с тем, чтобы оно стало площадкой для взаимодействия власти и оппозиции. Свободные СМИ — вещь обоюдоострая, но без них не бывает демократии.

¹ Байханов И. Конфликтный инструментарий «цветных революций» и электронная демократия // Власть, 2012, № 11, с. 23–26.